

Н. АЛЬТМАН

Художник у вождя

В мае 1920 года, во время польско-советской войны, я лепил Ленина.

Результатом нескольких недель работы в ленинском кабинете были: скульптурный портрет, рисунки и немногие напечатанные мною строки заметок о Ленине.

— Это не Володя, — сказала Надежда Константиновна, когда ей показали альбом с моими рисунками.

Разделял ли Ленин мнение Н. К. Крупской о моей работе, я не знаю. За все время я услышал от него единственное замечание. Он нашел, что нос сделан не совсем верно. Это было на второй день работы, и портрет был в такой стадии, что носа не могло и быть по-настоящему, все лишь намечалось. Когда я объяснил ему это, Ленин удивился, так как, поверив Луначарскому, он думал, что вся работа будет продолжаться не более двух-трех полу-часовых сеансов.

Сделанного мною портрета Луначарского Ленин не видел. Когда я показал ему фотографию со скульптуры, Ленин обратил внимание на то, что глаза портрета ему незнакомы. «Вероятно потому, что на портрете нет пенсне, в котором вы привыкли видеть Анатолий Васильевича?»

Работа двигалась очень медленно. Ленин не позировал. Я обходил его со всех сторон и рассматривал, останавливаясь то справа, то слева, то сзади его кресла. Пол был покрыт следами ног, так как солнце сушило глину, и ее приходилось постоянно поливать.

На рисунках видно, что Ленин низко склонялся над столом во время работы. Мне был виден только череп, лицо же было в сильном ракурсе. Разговаривая по телефону, Ленин настолько откидывался назад, на спинку стула, что видны были только подбородок и шея. Опять все лицо было в ракурсе. Я работал ежедневно по пяти-шести часов в день и часто приходил на работу, когда Ле-

нина в кабинете еще не было. Я сознавал, что постоянное присутствие чужого человека в кабинете не могло не беспокоить Ленина.

— Если бы вы позировали, работа бы шла быстрее, — сказал я ему как-то.

Но позировать он не хотел.

— Это будет неестественно, — ответил он.

Он не забыл обещания Луначарского, что позировать не придется.

Но Ленин все же согласился прохаживаться иногда по комнате и изредка поглядывать в мою сторону.

Письменный стол Ленина стоял посреди комнаты, и я иногда пользовался в работе отражением Ленина в зеркале, расположенном между окнами, выходящими на кремлевский двор.

Из членов правительства у Ленина чаще всех бывал Сталин, в то время — народный комиссар по делам национальностей и рабоче-крестьянской инспекции.

Почти все разговоры велись при мне, только во время редких секретных переговоров я выходил в соседнюю комнату.

В дни польского наступления заседания стали чаще, и Ленин постоянно подходил к географическим картам, висевшим на стенах. Мне не приходилось уже просить его прохаживаться по кабинету.

Единственными предметами искусства в его кабинете был портрет Маркса и барельеф Халтурина моей работы, присланный ему Луначарским.

Ленин, по-видимому, не считал себя специалистом в искусстве и был очень сдержан в своих оценках.

— Я в этом ничего не понимаю, это дело специалистов, — сказал он, когда, по его просьбе, я показал ему «футуристические» работы.

Ту же мысль он подчеркнул и в известной фразе о понравившемся ему стихотворении Маяковского «Прозаседавшиеся»:

— Не знаю, как со стороны искусства, а с точки зрения политики это совершенно правильно.

— Я могу двадцать раз слышать одну и ту же мелодию и не запомнить ее, — сказал он однажды в разговоре.

Это постоянное подчеркивание своей некомпетентности в вопросах искусства особенно поразительно в устах человека, охотно посещавшего картинные галереи Европы, любившего художественную литературу и имевшего свои резко выраженные вкусы и симпатии в искусстве.

Думается, что Ленин исходил при этом из высказанных им давно мыслей об искусстве, о том, что «это дело всего менее под-

дается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством», что «в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию»*.

Моя работа приближалась к концу. Я получил телеграмму о том, что мое возвращение в Петроград необходимо. В перерыве заседания, когда Ленин вышел, служители вошли в кабинет и вынесли скульптуру. Тут же в одной из комнат бюст был отлит в гипс, и я уехал в Петроград. Выходя из кабинета, в дверях я в последний раз встретился с Лениным, который в это время входил. Мне жалко было расставаться с этим местом, где я чувствовал биение нового мира.

* Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Новая жизнь. 1905. № 12. 13 ноября.